рольда Пинтера, вспоминает тот непростой период в истории: «ощущение жестокости было видимым, но одновременно с этим неважным, поскольку вместе с угрозой появилось глубокое чувство несправедливости, что после войны вынуждены бороться с людьми, избивающими евреев» [3, 18].

Таким образом, сформированный в ранних пьесах Гарольда Пинтера хронотоп комнаты – это и отражение вопросов доминирования и подчинения. В пьесе «Немой официант», которая совмещает в себе черты комедии угрозы, задано ещё одно ограниченное пространство: в комнате, где Бен и Гас ждут задание, резко начинает работать лифт, от него приходят распоряжения о меню: «*Послышался шум и грохот в выступе между кроватями, как будто что-то спускалось. Они схватили револьверы, подпрыгнули и повернулись к стене. Шум прекратился. Тишина. Они посмотрели друг на друга. Бен резко указал на стену. Гас медленно подошел к стене и ударил по ней револьвером, послышался пустой звук. <…> Гас похлопал по нижней части панели на стене, потянул <…> раскрыв служебный люк, «немой официант» – широкую доску, державшуюся с помощью блоков. На ней обнаружился обрывок бумаги*» [2, 131]. Этот микромир, олицетворяющий собой доминирующее, всеподчиняющее начало, заставляет побегать Бена и Гаса для выполнения абсурдных задач (*«Один салат из бамбуковых побегов, один цыпленок с водяным орехом, свинину по-катонски с бобовыми побегами»* [2, 133]). Перед нами отчасти беккетовская ситуация, где вместо Владимира и Эстрагона, замеревших в ожидании Годо, энергичные в своём подчинении приказам механической конструкции Бен и Гас. Гарольд Пинтер, бесконечно восхищаясь творчеством С. Беккета, невольно продолжил в своей пьесе проблему, затронутую ирландским драматургом: неведомая сила, которую ждали Владимир и Эстрагон, ворвалась в жизни людей и подчинила себе.

Таким образом, используя замкнутое пространство и медленно текущее время, Гарольду Пинтеру удается сконцентрироваться на отображение загнанного в ловушку страхов и неуверенности сознания человека, что становится визитной карточкой его «комедий угроз».

Литература

1. Котович, Т.В. Пространственно-временной континуум театра: Монография / Т.В. Котович. – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005. – 180 с.
2. Pinter, H. Plays 1 / H. Pinter. – London: Faber and Faber, 2008 – 386 p.
3. Billington, M. Harold Pinter / M. Billington. – London: Faber & Faber, 2007. – 512 p.

V.F. Siankova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: volhasiankova@gmail.com

The space-time capacity of early Harold Pinter drama

Key words: chronotope, Harold Pinter, English drama, new wave drama, pinteresque.

The article deals with the peculiarities of space-time organization in early Harold Pinter plays. Using the limited space and slowed-down time reveals the capacity of Harold Pinter's ability to create an atmosphere of threat and uncertainty associated with the human condition of the mid-twentieth century.

Н.А. Сивакова
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
e-mail: sivakovan@mail.ru

УДК 821.161-32*И. Бунин

СИСТЕМА ОЦЕНОК В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НОВЕЛЛЫ И. БУНИНА «ДУРОЧКА»

Ключевые слова: точка зрения, композиция, повествователь, персонаж, эпизод.

В статье анализируется внутренняя композиционная структура новеллы И. Бунина «Дурочка», представленная сложной системой различных точек зрения. Основное внимание уделяется выбранной автором повествовательной стратегии, основанной на смене субъектов и объектов сознания.

Новелла И. Бунина «Дурочка» входит в цикл «Тёмные аллеи», квалифицируемый как рассказы о любви. Изгнание из дома рождённого от греховной связи урода вместе со своей матерью оставляет мрачное, но вместе с тем светлое впечатление. Это становится возможным благодаря сложно организованной системе ценностных позиций, предоставляющей читателям возможность почувствовать движение от одного фокуса оценки к другому и, в конечном итоге, ощутить выход за пределы описываемой художественной реальности.

Глубинную (внутреннюю) композиционную структуру составляет определённая смена ценностных точек зрения, поскольку события, составляющие основу повествования, даны в освещении различных мировосприятий. Точка зрения повествователя является внешней по отношению

Репозиторий ВГУ

ко всем участникам представленных событий, позиция дьякона во многом определяет общественное мнение окружающих и даёт ценностные характеристики внутри создаваемого художественного мира. Основные персонажи (дьяконов сын и кухарка) одновременно выступают и носителями ценностных позиций, и объектами чужих точек зрения. Иными словами, в данной новелле представлены несколько носителей ценностных ориентиров, которые образуют довольно сложную систему отношений.

Система эпизодов новеллы, расположенных в последовательном хронологическом порядке, состоит из пяти событий разных по временной длительности. Первый эпизод – пробуждение дьяконова сына, приехавшего к родителям на каникулы, от «жестокого телесного возбуждения». В его состав включен ретроспективный вставной эпизод (результат работы «распаленного воображения»), представляющий события, произошедшие днём, перед обедом: подсматривание за купающимися девками. Центральное событие данного эпизода (насилие над кухаркой, «нищей, безродной девкой, слывшей дурочкой») смещено в конец длинного, сложно организованного предложения. Автор пользуется приёмом «эффектного перераспределения информации» (Б. Успенский) и переносит в конец эпизода основное событие. Данный приём становится основным принципом композиционного построения, причём как на уровне фразы, так и на уровне текста в целом. Можно предположить, что если бы рассказ был начат с эпизода подглядывания, наблюдаемым со стороны и представленным нейтральным повествователем, то структура его объектной и субъектной организации была бы совершенно другой. Но автор выбирает такой способ изображения событий, при котором повествователь не меняет стилистический тон и не использует фразеологию своих героев, даже внедряясь вглубь их «распалённого воображения». Сохранённая дистанция между повествователем и персонажем в плане психологии позволяет понять, что полного внутреннего совмещения с целью вживания в объект изображения быть не может. В выбранной автором повествовательной стратегии принцип соотношения «внутреннего» и «внешнего» описания с разделением персонажей на «положительных» и «отрицательных» не оправдывает своего назначения. Погружение в «распалённое сознание» героя, который не захотел усмирить свою плоть, позволяет выявить глубинный духовный дефект у человека, решившего посвятить себя служению Богу. Отношение повествователя к совершенному насилию проявляется в максимальной пространственной близости к персонажу. Описывая путь его грехопадения «через сенцы в кухню», он, как и дьяконов сын, преодолевает на ощупь черноту окружающего пространства и кожей чувствует жар, как «в топлёной печке», символизирующий адский огонь.

Во втором эпизоде время значительно уплотняется, и центральное событие (рождение в доме дьякона мальчика) схематически упрощается: «жил он с ней с тех пор всё лето и прижил мальчика». Оценивая данный факт, повествователь прибегает к приёму «двойного освещения». С одной стороны, представлена молчаливая позиция всех окружающих: «сам батюшка и весь его дом, вся семья лавочника, урядник с женой» – знали, чей это мальчик, и предпочитали не выносить никаких суждений. С другой стороны, отношение семинариста, испытывающего чувство «злобного стыда» за своё прошлое, в виде несобственно-прямой речи: «жил с дурочкой!» – включено в авторский текст. Подобная речевая интерференция в рамках одного предложения сближает позиции повествователя и изображаемого персонажа. В данном эпизоде повествователь использует чужую фразеологию для проникновения во внутренний мир персонажа, с тем чтобы убедиться: чувство раскаяния дьяконов сын не испытывает.

Отношение окружающих к семинаристу, окончившему курс и готовящемуся поступать в академию, с наибольшей выразительностью проявляется в следующем эпизоде, в котором дьякон позвал в дом гостей, чтобы «погордиться перед ними будущим академиком». Повествователь снова избегает открытого выражения собственной оценки и пользуется цитатными элементами. Слова дьякона: «блестяще!», составляющие основу общественного мнения, обнаруживают нравственную слепоту всех собравшихся, поскольку они разделяют мнение отца относительно «блестящей будущности» сына. Общую атмосферу веселья поддерживает «зашипевший и потом громко закричавший граммофон», который все «с улыбками удовольствия» начинают слушать. Название народной песни «По улице мостовой» сознательно включено в текст, поскольку общий смысл её содержания резко оппонирует сюжетному построению данной новеллы. Идущая по воду девица встречает парня и, несмотря на свой страх перед отцом-батюшкой, она отказывается от предлагаемого подарка (перстня) и замужества, предпочитая любить его просто так: «Не хочу перстня носить – хочу так дружка любить». Амбивалентная символика образа граммофона, является, с одной стороны, знаком цивилизации, погрязшей в грехах, а с другой, – явно указывает на семантический ореол библейского змея-искусителя. Таким образом автор подводит нас к мысли о том, что общество окончательно предало забвению представления о рае. С радостью принимая за райские кущи все блага цивилизации, люди стали подвластны любым искушениям.

Репозиторий ВГУ

Всеобщее «удовольствие» нарушается внезапным появлением кухаркиного сына, который «влетел» в комнату и «неловко, не в лад заплясал, затопал» Думая всех позабавить, мать «сдуру» шепнула: «Беги, попляши, деточка» [1, с. 46]. Кухарка и её сын не вписываются в организованный порядок дьяконова дома, находятся за рамками установленной системы ценностей, более того присутствие в этом мире мальчика является наглядным доказательством испорченности природы его обитателей. С агрессией, обнажающий животную сущность, отец (дьяконов сын) вышвыривает мальчика сначала из комнаты, а затем и из дома. Простодушное желание кухарки «умилить всех» было жестоко наказано: хозяева не посмели ослушаться сына, а он остался непреклонен.

Изгнание кухарки и её сына из дома, символизирующее переход из одного жизненного пространства в иное, выделено в отдельный эпизод. Замкнутое пространство дьяконова дома с децентрализованной системой ценностей, в котором заботятся лишь об удовлетворении желаний плоти, покидает тихое беззащитное существо, безропотно принимающее на себя чужие грехи. Хождение кухарки с сыном по деревням, представленное в заключительном эпизоде, можно истолковать как мотив духовного восхождения: «Она обносилась, обтрепалась, спеклась на ветру и на солнце, исхудала до костей и кожи, но была неутомима» [1, с. 46]. Побираться «Христа ради» – значит брать подаяние, а вместе с ним принимать на себя чужие грехи и молить бога об их прощении. Смысл названия новеллы наполняется новым содержанием: «нищая, безродная девка, слывшая дурочкой», нравившаяся приютившим её хозяевам исключительно за «безответность» и «послушание», принимает подвиг юродства из чувства глубоко развитого смирения. Насильное изгнание, а не добровольный уход за пределы дома подчёркивает противоречие между безнравственностью, ставшей нормой поведения в окружающем мире, и внутренней силой духа, облечённой во внешне убогую форму. Противоречие между внешним безобразием и внутренним благообразием с большей силой проявляется в описании-приговоре ребёнка: «Он был урод. У него было большое, плоское темя в кабаньей красной шерстке, носик расплющенный, с широкими ноздрями …» [1, с. 46]. До этого момента восприятие ребёнка, родившегося в доме, было представлено противоположными точками зрения: оценкой матери, полной умиления и любви, и чувством злобного стыда, переполнявшим дьяконова сына. Из восприятий, принадлежащих героям, исключено описание внешнего уродства ребёнка как принципиально незначимое. Только позиция повествователя позволяет читателям максимально приблизиться к объекту описания, чтобы разглядеть «улыбку», «носик», «ореховые глазки» и завершить создание целостного образа героя, на которого возложена миссия спасения. Внутренний свет, исходящий от улыбки ребёнка, способен преобразить его лицо, а значит, любое внешнее несовершенство становится незначимым, если присутствует одухотворяющее начало. Выбранные для его характеристики уменьшительные формы слов свидетельствуют об авторском отношении и задают вектор для интерпретирующей мысли, направленный на преодоление земных пределов и утверждение вечных ценностей.

Таким образом, различные системы оценок, представленные во внутреннем пространстве художественного мира новеллы «Дурочка», вступают в определённые отношения, образуя достаточно сложную систему противопоставлений и тождеств: одна точка зрения оппонирует всем остальные, другая может подчинять себе остальные, некоторые точки зрения, совпадающие друг с другом, могут отождествляться. Однако внутренне сплетение различных точек зрения, составляющих основу единого повествования, завершает точка зрения повествователя, которая занимает доминантную позицию в оценке всего происходящего.

Литература

1. Бунин, И. Дурочка / И. Бунин // Собр. соч. в 4-х т. – Т.4. – М.: Правда, 1988.- С. 45 – 46.

N. Sivakova
Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: sivakovan@mail.ru

Rating system in the narrative structure of Bunin's Novella "The Fool»

Key words: point of view, composition, narrator, character, episode

The article analyzes the internal compositional structure of Bunin's Novella "the Fool", represented by a complex system of different points of view. The main attention is paid to the narrative strategy chosen by the author, based on the change of subjects and objects of consciousness.

Репозиторий ВГУ